

таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям. (*Аплодисменты.*)

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю, товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина. (*Аплодисменты.*)

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести. (*Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.*)

(Из «*Ответа товарища Сталина на приветствия*». Газета «*Заря Востока*», № 1197, Тифлис, 10 июня 1926 года)

РОБЕРТ ТАКЕР

Коба. Годы становления

ОТРОЧЕСТВО

<...> Вне стен училища юноши с упоением читали грузинскую литературу. Книги грузинских авторов, которых было мало в библиотеке училища, доставали через местного книготорговца, державшего небольшую библиотеку. Первой взятой Сосо книгой была сентиментальная повесть Даниэля Чонкадзе

«Сумарская крепость», осуждавшая крепостничество и по сюжету похожая на «Хижину дяди Тома». Книга так его захватила, что он читал почти всю ночь напролет. Сосо и его друзей увлекали также поэмы и рассказы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Рафаэла Эристави. Любимым автором этой группы был и романтический писатель Александр Казбеги. Уроженец гор и страстный грузинский патриот, Казбеги сочинял будоражащие воображение рассказы о борьбе горских племен Кавказа с вторгшимися на их землю русскими войсками. Это были, по существу, выдуманные истории, очень похожие на схватки белых с индейцами, изложенные с позиций индейцев. Особенно глубокое, надолго сохранившееся впечатление произвел на Сосо Джугашвили роман «Отцеубийца».

В романе любовь, интриги и приключения переплетались с подлинными историческими событиями, имевшими место в 1845 г., когда отряды горцев, руководимые имамом Шамилем, вступили в бой с экспедиционным корпусом русских, возглавлявшимся наместником царя на Кавказе графом Воронцовым. Книга рассказывает о Иаго и Нуну, молодой крестьянской паре, постоянно разлучаемой судьбою, и об их верном друге по имени Куба, который изо всех сил пытается им помочь, полагаясь главным образом на свою храбрость, находчивость, ясный ум и способность выйти с честью из любой ситуации. Иаго заключен в тюрьму, а Нуну похищена в результате козней деревенского предателя Гирголы, который сотрудничает с русскими. Стремясь помешать увезти Нуну, Куба убивает одного из похитителей и становится разбойником, а затем устраивает дерзкий побег Иаго. Оба молодых человека живут в горах, подобно Робин Гуду, водят дружбу с крестьянами, сражаются с казаками и захватывают несколько русских офицеров, которых доставляют Шамилю. И в тот момент, когда они уже готовы освободить Нуну и присоединиться к Шамилю, их постигает неудача. Попав в западню, расставленную Гирголой и его людьми, они бьются с во много раз превосходящими силами противника. Иаго убит, Нуну умирает после ложного обвинения в убийстве собственного отца, и только Кубе удается спастись. В эпилоге звучит выстрел мщения Кубы, и смертельно раненный Гиргола признается во всех своих злодеяниях.

В Кубе, бесстрашном и немногословном, Сосо Джугашвили нашел одного из первых достойных подражания героев, чье

имя и образ так соответствовали его представлениям о самом себе как о герое. По словам современника, «идеалом и предметом мечтаний Сосо являлся Коба... Коба стал для Сосо Богом, смыслом его жизни. Он хотел бы стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой».

Учитывая важную роль символического образа Кобы в жизни интересующей нас личности, стоит, пожалуй, подробнее остановиться на том, что в этом образе с самого начала привлекало Сосо. Коба из «Отцеубийцы» — вовсе не сложная и тонкая натура, а довольно прямолинейный идеализированный тип героя, постоянно встречающегося в романах подобного жанра, — сильный, молчаливый, бесстрашный рыцарь, доблестный в бою, меткий стрелок, ловкий и изобретательный в трудных ситуациях. Подобные качества, конечно же, должны были понравиться любому задиристому подростку, желающему вообразить себя в роли героя. Но в истории, рассказанной Казбеги, Коба обнаружил еще одно свойство, которое, несомненно, сделало его для Сосо Джугашвили особенно привлекательным: он выступает как мститель.

Тема отмщения проходит красной нитью через весь роман. Так, обычай кровной мести кавказских горцев многократно упоминается с одобрением. В романе простые люди Грузии горят желанием отомстить высокомерным русским завоевателям, которые захватили страну, ограбили и унизили ее народ. Сам Шамиль — «железный человек», храбрый военачальник, обожаемый своими сторонниками, — предстает как руководитель народного движения мстителей, который «олицетворял собою гнев народный». Иаго и Коба страстно желают отомстить не только непосредственным угнетателям (Гирголе и исправнику), но одновременно и русским властям, поддерживающим таких негодяев. И они видят в служении Шамилю ниспосланную небом возможность принять участие в коллективном акте отмщения. Таким образом, роман «Отцеубийца» не только дал Сосо идеализированный образ героя в роли мстителя, но и убедил его в том, что свершившийся акт — триумф отмщения — достойное дело, которому можно посвятить жизнь.

И наконец, в романе присутствовала очень важная социальная тема. Описывая конфликт между грузинами и русскими, автор показывал грузинское общество разделенным по классовым признакам. Войско Шамиля, писал Казбеги, состояло из горцев и простых крестьян, чьи селения были сожжены, урожаи уничтожены, а жены обесчещены русскими завоевателями. В то же время грузинские князья и другая знать, стремившаяся к почестям и выгодным назначениям, которые позволили бы им жить подобно европейским аристократам, сражались на стороне Воронцова. Крепко связанные с традиционными институтами крепостничества, грузинские феодалы были готовы ради своекорыстных интересов пожертвовать благополучием родины. Наблюдая это, неграмотный горец Шамиль понял, что следовало бы распространить на всех грузин ту свободу и равенство, которыми пользовались его соплеменники-чеченцы, никогда не бывшие крепостными. Таким образом, с некоторой натяжкой можно сказать, что Шамиль у писателя Казбеги, как и Куба, выступает за новое социальное устройство. Когда, например, деревенская женщина обращается к Кубе с просьбой о защите от Гирголы, то в авторском комментарии говорится: «Странно! При организованном управлении, когда начальники, диамбеги, судьи, приставы и всякие другие чиновники наводнили страну, как муравьи, и делали вид, что чинят правосудие, простая, ни в чем не повинная женщина умоляла человека, совершившего убийство, защитить ее от несправедливости!» Хотя подобные высказывания и не являлись прямыми призывами к социальной революции, они подталкивали мысль читателя в данном направлении. Подростку с таким происхождением, как у Сосо, хотевшему быть Кубой, они могли внушить (или по крайней мере подготовить почву для этого) представление о герое как о революционере.

СЕМИНАРИСТ

<...> Когда Джугашвили через несколько месяцев после забастовки прибыл в семинарию, отголоски бунта еще ощущались. С первых дней Сосо невзлюбил семинарию. Будучи в первый раз на каникулах в Гори, он в одной из кондитерских жаловал-

ся знакомому на семинарские порядки и поведение монахов. Вскоре вместе с другими слушателями, среди которых был и его приятель Иремашвили, Сосо принял участие в создании подпольного кружка молодых социалистов. К тому времени изменилось и его отношение к учебе. Он уже не старался быть первым; преуспевал только по двум предметам (гражданской истории и логике), которые его особенно интересовали, а остальным уделял лишь столько внимания, сколько требовалось, чтобы получить переходной балл. Его манера держаться и отношение к товарищам также переменялись. Друзья-семинаристы, которые помнили Сосо живым пареньком, довольно веселым и общительным, теперь видели его серьезным, сдержанным, погруженным в себя. Давид Папиташвили вспоминал: «После вступления в семинарию товарищ Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать». В аналогичном смысле высказался и Ваню (младший брат Ладю Кецохели), хорошо знавший Сосо. Он заметил: «В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал». У молодого Джугашвили начали проявляться скрытность и угрюмая отчужденность, характерные для него в более поздние годы. Приобрел он известность и тем, что легко обижался даже на шутки. Серго Орджоникидзе, соратник по революционной работе в Грузии, вспоминал, что Сосо имел «обидчивый характер» еще в юности и что друзья по Тифлисской семинарии удивлялись по поводу этой, по их мнению, совершенно негрузинской черты характера Джугашвили. «Коба не понимает шуток, — с грустью говорили они. — Станный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания».

Хотя вскоре после поступления в семинарию когда-то образцовый ученик и перестал стремиться к успехам в учебе, он тем не менее продолжал ощущать потребность отличиться. Свою жажду подвига он лишь перенес на другие сферы: на социалистическое самообразование и (со временем) революционную деятельность. Недавно обретенная самоуглубленность и сдержанность не помешали Сосо утвердиться в качестве вожака группы. Самонадеянное «чувство победителя» не покинуло

его. Начав вместе с Иремашвили карьеру бунтовщика в кружке молодых социалистов, он нисколько не сомневался в своем праве принадлежать к руководству движением. Члены кружка самообразования избрали лидером семинариста-старшеклассника Девдариани, который составил для новичков шестилетнюю программу чтения, имевшую целью к моменту окончания семинарии сделать из них образованных социал-демократов. Но прошло совсем немного времени, как Джугашвили организовал несколько кружков и стал сам вести в них занятия. И вновь, теперь уже в семинарский период, проявилось стремление к личной власти, то есть то самое качество, которое отличало Джугашвили и в более поздние годы. То же самое можно было сказать о его нетерпимом отношении к иным мнениям. По словам Иремашвили, во время дискуссий среди молодых социалистов в семинарии Сосо имел привычку упорно настаивать на собственной правоте и безжалостно критиковать другие взгляды. В результате группа раскололась на тех, кто, уступая давлению, согласился стать послушным последователем Джугашвили, и тех, кто мыслил более независимо и не желал уступать деспотическим методам Сосо.

<...>

Решение оставить семинарию до ее окончания, по-видимому, явилось просто логическим следствием развития событий. Иремашвили убеждал Сосо не делать этого, напоминая, что завершение шестого (последнего) курса (1899–1900) позволит ему поступить в русский университет. Однако Джугашвили уже полностью овладела идея революционной карьеры. Кроме того, он опасался, что администрация семинарии не даст ему закончить последний учебный год. Такая мысль, возможно, была не лишена основания. К пятому курсу Сосо уже имел прочную репутацию смутьяна и больше не старался скрывать своих мятежных взглядов.

<...>

Поскольку дела приняли такой оборот, не удивительно, что Джугашвили в мае 1899 г. покинул семинарию. Нам неизвестно, как на это реагировала мать, но догадаться нетрудно. Согласно семинарским записям, опубликованным в «Духовном вестнике Грузинского экзархата» в июне—июле 1899 г., Сосо исключили потому, что он «по неизвестной причине» не явился

на экзамены в конце учебного года. Характерно, что позднее он драматизировал данный эпизод. В анкете делегата Московской районной партийной конференции, состоявшейся в 1931 г., бросивший учебу семинарист, отвечая на вопрос об образовании, указал: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма».

С. С. МОНТЕФИОРЕ **Из книги «Молодой Сталин»**

«ЮНОША БЛЕДНЫЙ СО ВЗОРОМ ГОРЯЩИМ»

Грузины считали свою страну угнетенным царством рыцарей и поэтов. Стихотворения Сталина в «Иверии», напечатанные под псевдонимом Сосело, получили известность и стали пусть не первостепенной, но классикой: они публиковались в антологиях грузинской поэзии до того, как кто-либо узнал имя Сталин. В 1916 году первое стихотворение Сталина «Утро» было включено в «Дэдаэна», сборник-букварь для детей, выходящий с 1912 по 1960 год. Оно сохранялось и в последующих изданиях, иногда приписываемое Сталину, иногда нет, вплоть до времен Брежнева.

Теперь у Сталина был подростковый тенор, и говорили, что с его голосом он мог профессионально заниматься пением. Поэзия — еще один талант, который мог бы направить его на другой путь и увести от политики и кровопролития. «Можно лишь пожалеть — и не только по политическим соображениям — о том, что Сталин предпочел революционную деятельность поэзии», — считает профессор Дональд Рейфилд, переведший стихи Сталина на английский. Их романтическая образность вторична, но прелесть этих стихов — в утонченности и чистоте ритма и языка.

Размер и рифмовка стихотворения «Утро» прекрасно выдержаны, но похвалы Сталину снискала изысканная и не по годам зрелая работа с персидскими, византийскими и грузинскими мотивами. «Неудивительно, что патриарх грузинской литературы и общественной мысли Илья Чавчавадзе охотно согласился напечатать „Утро“ и по меньшей мере еще четыре стихотворения», — пишет Рейфилд.